

УДК 316.3

М. А. Козлова, Н. Д. Воронина

**Социальная сплоченность поселений родовых поместий:
ресурс или барьер развития?¹**

Аннотация:

В статье феномен поселений родовых поместий (ПРП) проблематизируется в контексте социальной сплоченности. «Экологическая» перспектива анализа социальной сплоченности позволяет оценить потенциал поселений родовых поместий к интеграции в российское общество и реализации социально значимой миссии развития сельских поселений и возрождения аграрного сектора. Теоретическую рамку работы составила Теория моральных мотивов, в соответствии с которой операционализировано многообразие форм социальной сплоченности. Эмпирическую базу составили результаты опроса жителей поселений родовых поместий (N=100). Результаты анализа полученных данных позволили заключить, что при высокой внутригрупповой сплоченности жителей поселений родовых поместий, приоритет ценностей Сохранения, признание права группы контролировать частную жизнь ее членов, стремление к гомогенизации сообщества по критериям, характеризующим мировоззрение его членов и безусловный приоритет интересов группы по сравнению с надгрупповыми ценностями и целями, свидетельствуют об ограниченности потенциала поселений родовых поместий к интеграции в российское общество и эскапистском характере мотивации их создания и существования.

Ключевые слова: социальная сплоченность, поселения родовых поместий, интеграция, группоориентированная мораль.

Об авторах: Козлова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент кафедры общей социологии; эл. почта: makozlova@yandex.ru;

Воронина Наталья Дмитриевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации; эл. почта: nvoronina@hse.ru.

Сплоченность в социологическом дискурсе выступает синонимом социальности как таковой и составляет традиционный предмет эмпирического исследования, интерес к которому не ослабевает, поскольку приоритеты социальной сплоченности отвечают потребностям людей в аспектах как персонального развития, так и ощущения групповой идентичности, объединяют и примиряют между собой ориентиры индивидуальной свободы и социальной солидарности, экономической эффективности и справедливого распределения ресурсов, плюрализма ценностей и универсализма правил, регламентирующих действия

¹ При поддержке Российского научного фонда № 14-18-03784 «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия» (руководитель – д.соц.н., проф. Н.Е. Покровский).

социальных акторов. Однако в современных поликультурных обществах актуализируются и набирают силу типы интеграции, соответствующие партикуляристским формам социального устройства: гендерная, расовая, религиозная, этническая солидарности [21], выступая в качестве защитной реакции на многообразие. Имея определенный адаптивный эффект, ориентация на примордиальные – или воспринимаемые таковыми – общности в условиях современного поликультурного общества, оказывается, скорее, барьером на пути сплочения, порождая рост ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации [6]. Конструктивный характер групповая сплоченность приобретает только при соответствии групповых норм универсальным надгрупповым правилам, разделяемым всеми социальными субъектами [2], ориентация на универсалистские ценности и следование надгрупповым нормам укореняет группу в поле социальности.

При том, что ориентация на «абстрактные правила», вероятно, единственный возможный путь ненасильственного сплочения в условиях современных обществ, основанные на приверженности надгрупповым правилам формы сплоченности, как свидетельствуют полученные в наших исследованиях данные, встречаются в российском обществе редко [6], а перспективы и ресурсы для их распространения остаются неясными.

Экопоселения, будучи относительно новым феноменом и в национальном, и в глобальном масштабе, стали предметом устойчивого интереса российских социологов. Обращая взгляд на экопоселения, исследователи ищут в них признаки распространения мировых тенденций дезурбанизации, дауншифтинга [5], проэкологического поведения и/или формирования локальных моделей социальной организации/ очагов зарождения институтов гражданского общества [10; 11] и экономического развития/ возрождения сельских территорий². Эта амбивалентность оценок сущности феномена и перспектив его развития, вероятно, и поддерживает исследовательский интерес к нему. Данная работа ориентирована на поиск ответа на вопрос «Экопоселения – это «точка роста», форма локальной самоорганизации, потенциально способствующая возрождению сельскохозяйственных территорий, или форма эскапизма, не имеющая социально значимых эффектов?». К социальной проблеме, обозначенной этим противоречием, мы обратимся в заключительной части статьи, выводя ее решение из исследования социальной сплоченности жителей экопоселений. Прежде всего дадим краткую характеристику феномена экопоселений и определим исследовательский фокус его рассмотрения.

Экопоселения как социальный феномен

Термин «экопоселения» определяется в западной традиции как «идейные (“intentional community”) или традиционные общины, использующие практики местного участия для того, чтобы целостно интегрировать экологические, экономические, социальные и культурные аспекты устойчивого развития в целях восстановления социальной и природной среды» [22]. Иными словами, экопоселения – это локальные сообщества единомышленников, на основе свободного самоопределения выбравших альтернативный тип поселения как место и контекст реализации альтернативного образа жизни. Под это определение подпадают разные типы поселений, среди которых отчетливо дифференцируются «классические» экологические поселения (территории устойчивого развития), поселения родовых поместий, социальные, профильные, социально-инженерные проекты, религиозные поселения, однако тема «экологичности» в той или иной степени значима для всех типов. Дж. Доусон, бывший президент Глобальной сети экопоселений (GEN), описал пять базовых принципов экопоселений [14]:

² «Родовые поместья могут стать основой развития самоуправления и малых форм предпринимательства», утверждают некоторые исследователи [3, 6].

1. Экопоселения возникают как инициатива снизу и не финансируются правительством.

2. Жители экопоселений придерживаются ценностей общинной жизни и пытаются реализовать их на практике.

3. Жители экопоселений не сильно зависят от правительственных, корпоративных и иных централизованных источников воды, пищи, жилья, энергии и др. основных ресурсов, а напротив, стремятся обеспечить себя этими ресурсами самостоятельно.

4. У жителей экопоселений присутствует сильное чувство общих ценностей (единомыслие), иногда формулируемое в духовных терминах.

5. Экопоселения часто выступают в качестве исследовательских и демонстрационных площадок, предлагая образовательный опыт другим.

Перечисленные ранее типы поселений, как правило, соответствуют первому и четвертому из указанных критериев, что, видимо и стало основой для объединения под названием «экопоселение» столь различных по целям и стратегиям развития локальных сообществ, однако соответствие остальным трем критериям фиксируется далеко не во всех случаях. Сосредоточим внимание на поселениях родовых поместий, поскольку жители родовых поместий – сторонники движения «Звонящие кедры России»/ анастасийцы/ последователи учения Владимира Мегре - в нашей стране составляют большинство «беженцев» из города, по оценке специалистов компании «Циркон» [4].

Кратко обозначим суть этого специфического российского феномена.

Идея родового поместья была изложена в художественной форме в серии книг «Звонящие кедры России» писателя В.Н. Мегре³. Отличительные черты декларируемой идеологии родового поместья:

- продолжение рода;
- благоприятная среда обитания для семьи;
- бережное отношение к окружающей среде, природе;
- неделимость — поместье передается по наследству одному из детей или внуков, каждая молодая семья создает свое родовое поместье;
- органическое земледелие;
- многоукладность хозяйственной деятельности.

Таким образом, очевидно, что в создании родовых поместий проэкологическая идеология, хотя и присутствует, но не играет значимой роли. Кстати, и анастасийцы, и представители экологических движений дистанцируются друг от друга, поскольку экологические проекты ориентированы, прежде всего, на решение конкретных социально значимых задач, а основатели и жители родовых поместий – на создание «пространства любви». Таким образом, если поселения проэкологической ориентации характеризуются отечественными и западными исследователями как устремленный в будущее феномен новой эпохи, призванный воплотить все лучшее от доиндустриального и индустриального обществ, как площадки, апробирующие новые формы хозяйствования, то движение последователей В. Мегре направлено на возрождение «традиционной» культуры в той форме, в какой она понимается поселенцами, и потенциальная возможность поселений родовых поместий «стать основой развития самоуправления и малых форм предпринимательства» [3, 6], как представляют их миссию некоторые авторы, не кажется бесспорной. Именно на разрешение вопроса о возможности поселений родовых поместий реализовать эту миссию и направлено данное исследование.

В фокусе нашего внимания - социальная сплоченность жителей родовых поместий. Теоретическую рамку работы составило положение о том, что все многообразие форм сплоченности в современных обществах может быть сведено к двум типам: социальной

³ См. также 8, 9.

солидарности, с одной стороны, и социальной саморегуляции, с другой [1; 2]. Первый предполагает единство с определенными («своими») людьми и общую идентичность с членами своей группы как таковыми; второй – приверженность определенным правилам, имеющим нормативный характер. В социологической науке эта идея укоренена в работах Э. Дюркгейма, в современной социально-психологической интерпретации она получила развитие в теории моральных мотивов [15].

Теория моральных мотивов утверждает, что сплочение группы может обеспечиваться посредством двух систем моральных ориентаций, по-разному и с различным эффектом работающих на сплочение группы – моралью социального порядка, базирующейся на конструировании сущности (подчеркиванием значимости членства), и моралью социальной справедливости, основанной на значимости взаимодействия [19]. Однако две группоориентированные этики обеспокоены различными социальными вопросами: мораль социальной справедливости – накоплением и сохранением общественных благ, включая решение вопросов, связанных с экономическими ресурсами и возможностями, а мораль социального порядка – регуляцией образа жизни, предполагающей контроль над более «личными» сферами [16]. Закономерно и то, что две группоориентированные моральные системы связаны с разными акцентами на межгрупповых границах. Если мораль социальной справедливости основной упор делает на внутригрупповых различиях, то межгрупповые границы, соответственно, оказываются более проницаемыми, а лояльности и преданности не уделяется повышенного внимания. Мораль социального порядка подчеркивает важность верности, служит защите членов группы. Малопроницаемая межгрупповая граница, таким образом, призвана минимизировать внешние угрозы и опасности [13; 17; 18]. Таким образом, мораль социального порядка более эффективно выполняет функции адаптации и защиты, поскольку предполагает гомогенизацию группы, с одной стороны, и выстраивание определенных и непроницаемых межгрупповых границ – с другой. Ориентация на мораль социальной справедливости, напротив, менее эффективна в совладании с ситуацией неопределенности, но позволяет группе более успешно интегрироваться в сообщество более высокого порядка.

Рассматривая сплоченность в «экологическом» контексте, как единство внутригрупповой солидарности и надгрупповой интегрированности, мы задаемся вопросом о специфике реализации механизмов социального сплочения как стратегий сохранения и развития в сообществах поселенцев родовых поместий. Мы полагаем именно соотношение ингрупповой сплоченности и интегрированности сообщества в социальную систему более высокого уровня основанием для суждения о перспективах поселений родовых поместий.

Организация исследования

Выборка

Опрос проводился в поселениях родовых поместий (ПРП) Московской и Тульской областей в июле 2016 года.

Поселение А.

Существует 11 лет. Семей – 80 (зимует 6 семей, 24 человека). Форма землепользования – собственность.

Поселение Б.

Существует 8 лет. Семей – 70 (зимует 12), человек – 200 (зимует 30). Форма землепользования – аренда и собственность.

Поселение В.

Существует 7 лет. Семей – 35 (зимует 11), человек – 120 (зимует 30). Форма землепользования – аренда земли у юридического лица – Потребительского общества, членами и владельцами которого являются сами участники.

Всего опрошено 100 человек. Соотношение мужчин и женщин 1:1. Наиболее многочисленной является возрастная группа 27-40 лет – ее доля составила 41,8% ответивших, многочисленна и возрастная группа 41-50 лет (33,7%). Старшие возрастные группы (51-60 и 61+ лет) составляют 12,2% и 4,4% соответственно. Младшая возрастная группа составляет 8,2% ответивших. Среди опрошенных жителей ПРП состоящих в браке 81%, разведенных и вдовых – 7% и 2% соответственно, не состоящих в браке – 2%, а живущих в гражданском браке – 8%.

Для ответа на вопрос о потенциале поселений родовых поместий в завершении анализа обратимся к данным исследования социальной сплоченности жителей сел, опрос которых проводился в тот же временной период по той же методике (N=100).

Метод

На основании описанных положений теории моральных мотивов нами была предложена операционализация моральных основ социальной сплоченности и разработан опросник, результаты апробации и применения которого изложены в ряде наших публикаций.

В числе основных показателей, позволяющих судить не только о степени сплоченности группы, но и о качественном своеобразии сплочения рассмотрим далее радиус сплоченности; оценку интенсивности социальных связей в группе Своих; ценностно-ориентационное единство; социальную поддержку и сотрудничество в ин- и аутгрупповом контекстах: качество, интенсивность, реципрокность; соотношение доверия: генерализованного/доверия Своим; определенность групповых границ; открытость и гомогенность группы; степень группового влияния на индивида; соответствие ценностей и норм группы универсальным/надгрупповым ценностям и нормам.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Основные показатели сплоченности (в процентах от числа опрошенных)

Показатель сплоченности	ПРП
<i>Общая оценка респондентами интенсивности социальных связей в группе</i>	
Высокая	72
Низкая	4
<i>Субъективная оценка частоты неформальных контактов</i>	
Высокая	99
Низкая	1
<i>Качество, интенсивность и реципрокность социальной поддержки и сотрудничества</i>	
<i>Готовность оказать поддержку члену группы (в различных формах)</i>	
Сочувствие	100
Совет	100
Материальная помощь (незначительной суммой)	96
Материальная помощь (значительной суммой)	62
Помощь делом	98
<i>Ожидание различных форм поддержки от членов группы</i>	
Сочувствие	100
Совет	100
Материальная помощь (незначительной суммой)	96
Материальная помощь (значительной суммой)	58
Помощь делом	99

<i>Ценностные ориентации⁴ (приведены центрированные средние значения приоритетности ценностей, объединенных в укрупненные блоки)</i>		
Сохранение	,2244	
Открытость изменениям	-,9306	
Самоутверждение	-,0885	
Самопреодоление	,7102	
<i>Самоидентификация с группой</i>		
Определенность	90	
Позитивная валентность	99	
<i>Субъективная оценка открытости и гетерогенности группы</i>		
Человека иного социального положения	98	
Представителя нетрадиционной сексуальной ориентации	7	
Носителя иных политических взглядах	80	
Иного вероисповедания	80	
Мигранта из другого города	100	
Мигранта из другой страны	93	
Имеющего зависимость	2	
Отбывавшего наказание в местах лишения свободы	6	
Человек с ограниченными возможностями здоровья	78	
<i>Гомогенность группы, определенность групповых границ</i>		
Субъективная оценка группы как гомогенной	6	
Оценка гомогенности группы по социальным критериям	Уровень образования	70
	Уровень доходов	11
	Политические предпочтения	84
	Религиозность	64
	Вероисповедание	51
<i>Оценка масштабов допустимого группового контроля</i>		
Допустимость контроля над частными сферами жизни	82	
Допустимость группового давления с целью соблюдения индивидом групповых правил	98	
Оценка готовности членов группы не нарушать правила	92	
<i>Оценка респондентами готовности группы объединяться для решения общественных проблем</i>		
Солидарность во мнениях и совместные действия	48	
Солидарность во мнениях, отсутствие совместных действий	42	
Отсутствие солидарности во мнениях	10	
Отсутствие интереса к общественным проблемам	0	
<i>Установки на поддержку интересов ингруппы/ более широкой общности при конфликте их интересов</i>		
Поддержка ингруппы	9	
Поддержка более крупной общности	1	
Отстаивание личных интересов	9	
Ориентация на «справедливость»	51	
Ориентация на закон	30	
<i>Доверие</i>		
Генерализованное доверие (на уровне средний и выше)	47	

⁴ Использован теоретико-методологический подход и формулировки Портретного опросника ценностей Ш. Шварца [20].

Индивидуальное доверие (на уровне средний и выше)	100
Интегральный показатель сплоченности (1 – низкая сплоченность, 9 – высокая сплоченность)	5,58

Как свидетельствуют представленные в таблице 1 данные, жители ПРП оценивают уровень сплоченности сообщества как достаточно высокий, социальные контакты внутри сообщества отличаются высокой интенсивностью, высока готовность помогать другим поселенцам, так же, как и уверенность в получении помощи.

Таким образом, используемые индикаторы – основанные на оценках и самоотчетах респондентов о сложившихся практиках – свидетельствуют о высокой сплоченности жителей поселений родовых поместий, множественности и взаимности ожиданий и трансакций в их среде.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о приоритете для жителей поселений родовых поместий ценностей Самопреодоления и Сохранения, в основе которых, согласно концепции Ш. Шварца, лежит забота о природе и стремление к гармонизации внутреннего мира и социального и природного окружения, а также приоритет стабильности [20].

Границы сообщества открыты для всех, за исключением тех, кто имеет зависимости (алкоголь или наркотики) и нетрадиционную сексуальную ориентацию, поскольку ключевая идея движения – укоренение рода: «Это место (родовое поместье), где его (человека) зачали в любви, где он родился, где его воспитали <...> Это место, где родятся его дети и будут помнить о нём, так как во всём вокруг будут видеть нестираемую добрую память, ведь многие деревья живут сотни лет» [7], а значит, поселенцы рады видеть в качестве соседей людей в фертильном возрасте, способных и готовых оставить потомство [12].

Жители ПРП чаще оценивают свою группу как гомогенную с точки зрения этнической принадлежности, уровня религиозности и образования. По уровню доходов наоборот, поселения оцениваются как гетерогенные.

Большинство опрошенных жителей ПРП признают наличие правил, регламентирующих взаимодействие в группе, подавляющее большинство (98%!) в той или иной степени согласны с тем, что жители поселения имеют право настаивать на исполнении правил, принятых в нем. В целом похожая ситуация наблюдается, когда речь заходит о допустимости для других членов поселения вмешиваться в частную жизнь индивида: почти 85% так или иначе согласны с тем, что вмешательство в частную жизнь допустимо, и только около 6% считают это абсолютно недопустимым.

Таким образом, создается противоречивая ситуация: с одной стороны, опрошенные жители поселений родовых поместий видят группу как гетерогенную и декларируют принятие многообразия в своей среде, с другой – допускают и приветствуют групповой контроль над частной жизнью членов группы, что неизбежно приводит к гомогенизации группы по таким характеристикам, которые отражают смысловые ориентации и мировоззрение индивидов, что свидетельствует, скорее, о сплочении группы на основе морали социального порядка [15].

Уровень генерализованного доверия у жителей поселений значительно ниже ($z = -2,223$; $p < 0,05$) чем уровень доверия «своим». В случае противоречия интересов индивидов и сообщества макроуровня жители ПРП выбирают, преимущественно, «своих», что же касается мотивирующих аспектов – лидируют представления о справедливости.

Самыми распространенными среди жителей поселений родовых поместий формами активности являются участие в субботниках и мероприятиях по благоустройству и участие в сельских (поселенческих) сходах. В этих видах активности задействовано более 80% поселенцев, на втором месте по распространенности – обращения в государственные органы

по личным вопросам (32%), а также организация коллектива для решения своей или чужой проблемы (20%). Наименее распространенными являются все остальные виды активности – их доли очень малы и статистически не различаются между собой.

Результаты, полученные в ходе анкетирования жителей ПРП, были сопоставлены с данными жителей «традиционных» сел. При том, что жители сел и поселений родовых поместий демонстрируют равно высокий уровень сплоченности, обращение к отдельным показателям позволяет обнаружить существенные различия в его наполнении (таблица 2)⁵.

Таблица 2.

Различия уровня выраженности отдельных показателей сплоченности у жителей сел и поселений родовых поместий

Показатель сплоченности	Поселения родовых поместий	Село
<i>Субъективная оценка частоты неформальных контактов</i>		
Высокая	99	68
Низкая	1	32
Субъективная оценка группы как гомогенной	6	72
Оценка гомогенности группы по социальным критериям	Уровень образования	27
	Уровень доходов	32
	Политические предпочтения	43
	Религиозность	95
	Вероисповедание	91
Допустимость контроля над частными сферами жизни	82	34
Допустимость группового давления с целью соблюдения индивидом групповых правил	98	91
<i>Оценка респондентами готовности группы объединяться для решения общественных проблем</i>		
Солидарность во мнениях и совместные действия	48	75
Солидарность во мнениях, отсутствие совместных действий	42	17
Отсутствие солидарности во мнениях	10	4
Отсутствие интереса к общественным проблемам	0	4
<i>Установки на поддержку интересов ингруппы/ более широкой общности при конфликте их интересов</i>		
Поддержка ингруппы	9	12
Поддержка более крупной общности	1	5
Отстаивание личных интересов	9	34
Ориентация на «справедливость»	51	39
Ориентация на закон	30	10
Ингрупповое доверие (на уровне средний и выше)	100	96

Жители сел в меньшей мере вовлечены в неформальные контакты с непосредственным окружением и обнаруживают меньшую степень доверия односельчанам, по сравнению с

⁵ Уровень значимости всех описываемых ниже различий - $p < 0.001$

жителями поселений родовых поместий, однако в большей мере склонны к объединению для решения общественно значимых проблем и демонстрируют большую готовность к взаимодействию с обществом в целом, в том числе к выходу на публичный уровень

При этом гомогенность группы жители села оценивают выше, чем жители ПРП, однако если для селян гомогенность охватывает показатели, характеризующие уровень жизни – уровень доходов, образование – показатели, детерминированные объективными условиями, то жители поселений родовых поместий видят большее сходство между членами сообщества по показателям, характеризующим мировоззрение и стиль жизни – этнокультурную идентичность и религиозность, что неудивительно, если учесть, что именно жители ПРП в отличие от жителей сел утверждают право группы контролировать и регулировать частную жизнь ее членов.

Выводы

Опрошенные жители поселений родовых поместий идентифицируют сообщество, к которому себя относят, как сплоченное, в полной мере признавая и эмоционально принимая факт своей групповой принадлежности. На уровне повседневных практик подобные представления о сплоченности сообщества реализуются как развитые реципрокные сети взаимопомощи: как эмоциональной поддержки, так и трансфертов, имеющих материальную основу (преимущественно, помощь делом и продуктами). Основу такого рода конфигурации внутригрупповой сплоченности составляют ценностные ориентации жителей эко-поселений: приоритет *Безопасности*, *Благожелательности* и *Универсализма* в иерархии ценностных ориентаций свидетельствует о выраженной мотивации преданности группе и заботы о благополучии её членов, стремлении быть надёжным и заслуживающим доверия членом группы в сочетании с мотивацией защиты группы и поиска стабильности, а также гармонизации социального и природного окружения и заботы о природе. Таким образом, мы видим, что две из трех ведущих ценностей – *Благожелательность* и *Универсализм* – соответствуют декларируемым целям формирования поселений родовых поместий. Ценность *Безопасности*, вероятно, инспирирует стратегии выживания сложившегося сообщества.

Обращаясь к тем аспектам сплоченности, которые характеризуют качественное своеобразие формы и механизма сплочения, отметим, что поселенцы отвергают возможность включения в сообщество людей с зависимостями, гомосексуалов и отбывавших наказание в местах лишения свободы, и это исключение обосновывается признанием права группы на контроль за сферой частной жизни входящих в группу индивидов. Возвращаясь к содержанию ценности *Безопасности*, занимающей лидирующие позиции в иерархии жителей поселений родовых поместий, заметим, что стремление гомогенизировать непосредственное социальное окружение поддерживается именно мотивацией личной и общественной безопасности и стабильности и, таким образом, отсылает нас к сущности спланированного механизма на основе морали социального порядка.

Анализ ответов поселенцев на вопросы, касающиеся принятого в группе отношения к проблемам общностей более высокого порядка и интегрированности группы в эти надгрупповые сообщества, показал, что, хотя респонденты проявляют заинтересованность в отношении общественных проблем, их интересы сосредоточены преимущественно на внутригрупповых процессах и событиях. Доверие поселенцев «своим» превышает уровень генерализованного доверия, уровень социального участия высок в отношении группы и незначителен в отношении надгрупповых общностей.

Таким образом, мы фиксируем типичный для сообществ, воспринимающих актуальную ситуацию как угрожающую, приоритет ценностей безопасности и стабильности: сообщество спланивается для противостояния реальному или воображаемому врагу – гомогенность группы растет, что достигается посредством усиления внутригруппового

контроля, в том числе и над частной жизнью входящих в группу индивидов, и возрастающей непроницаемостью групповых границ. Закрывшись, группа минимизирует свои контакты с «внешним миром», а внутригрупповые правила и нормы могут вступать в противоречие с надгрупповыми. Сообщество жителей поселений родовых поместий стремится к тотальному контролю над установками, верованиями и поведением индивидов, что позволяет охарактеризовать этот тип сплочения как основанный на морали социального порядка, вертикальноориентированный тип. Такой тип сплочения ориентирован на производство целостности «примордиального» типа (общность «крови и почвы»), непосредственность и эмоциональную окрашенность отношений. В современных условиях в «чистом виде» такого рода целостность способна существовать и воспроизводиться лишь в семейных отношениях, однако общность может конструироваться как примордиальная в широком круге социальных контекстов, давая, казалось бы, прочную основу сплочения. Риторика «прочности» такой основы включает указания на «многовековой опыт», укорененность в традициях предков, так или иначе – проверку временем, а также апелляцию к интимному, сокровенному, «сокрываемому» от глаз и непосвященных умов чужаков, что мы и наблюдаем как в провозглашаемых идеологических принципах, так и в поведении жителей поселений родовых поместий.

Такая ситуация в целом типична для сообществ, в основе сплочения которых лежит мораль социального порядка: этот тип сплочения успешно выполняет адаптивные функции, позволяя входящим в группу индивидам чувствовать себя защищенными и окруженными социальной поддержкой со стороны других членов группы, но выступает преградой на пути интеграции группы в сообщество более высокого уровня. Таким образом, выявленная в исследовании ориентация поселений родовых поместий на самоизоляцию, формирование оппозиционной сплоченности, неготовность к интеграции в общество, позволяет утверждать эскапистский характер мотивации их создания и существования, что в целом делает сомнительным представление этой формы самоорганизации как эффективного механизма возрождения аграрного сектора и сельских территорий.

Библиографический список:

1. Гофман А.Б. От «малого» общества к «большому»: Классические теории социального роста и их современное значение // Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. С. 597-610.
2. Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М.: Новый хронограф, 2015.
3. Дмитриев Ю.А., Карпов А.Е. Социально-экономическое развитие сельских территорий посредством формирования и развития поселений родовых поместий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 13. С. 2-8.
4. Задорин И.В., Колесникова Е.Ю., Мальцева Д.В., Халкина Е.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования [Электронный ресурс]. Циркон. 2012. – Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf (дата обращения: 20.10.2017).
5. Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 64-77.
6. Покровский Н.Е., Козлова М.А. Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ. М.: Университетская книга, 2016.
7. Родовое поместье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svoya-izba.ru/2013/02/25/rodovoe-pomeste/> (дата обращения: 20.10.2017).

8. Федеральный закон «О Родовых поместьях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biopole.ru/node/9071> (дата обращения: 29.04.2017).
9. Фонд «Анастасия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anastasia.ru/> (дата обращения: 20.10.2017).
10. Щукина М.Ю. Инициативы территориального общественного самоуправления в российских экопоселениях // Власть. 2014. № 8. С. 62-65.
11. Щукина М.Ю. Социальная активность как фактор самоорганизации российских экопоселений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 5 (37). С. 98-103.
12. Экопоселения. Родовые поселения. Родовые поместья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://poselenia.ru/> (дата обращения: 20.10.2017).
13. Cohen T.R., Montoya R.M., Insko C.A. Group morality and intergroup relations: Cross-cultural and experimental evidence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2006. Vol. 32. P. 1559-1572.
14. Dawson J. Ecovillages: New Frontiers for Sustainability. Cornwall: MPG Books, 2006.
15. Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. Vol. 17. № 3. P. 219-236.
16. Janoff-Bulman R., Sheikh S., Baldacci K.G. Mapping moral motives: Approach avoidance, and political orientation // Journal of Experimental Social Psychology. 2008. Vol. 44. P. 1091-1099.
17. Leidner B., Castano E., Zaiser E., Giner-Sorolla R. Ingroup glorification, moral disengagement, and justice in the context of collective violence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36. P. 1115-1129.
18. Roccas S., Klar Y., Liviatan I. The paradox of group-based guilt: Modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. P. 698-711.
19. Rutchick A.M., Hamilton D.L., Sack J.D. Antecedents of entitativity in categorically and dynamically construed groups // European Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 38. P. 905-921.
20. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Konty M. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663-688.
21. Tiryakian E. Modernity and the second return of mechanical solidarity / In M. Cherkaoui, P. Hamilton (eds.), Raymond Boudon: A life in sociology. Oxford: Bardwell press, 2009. P. 1-22.
22. What is an Ecovillage? [Электронный ресурс] // Global Ecovillage Network (Глобальная сеть экопоселений), раздел Ecovillages. – URL: <http://gen.ecovillage.org/index.php/ecovillages/whatisanecovillage.html> (дата обращения: 20.10.2017).

Kozlova M.A., Voronina N.D. Social cohesion settlements of kin's domains: a resource or barrier to development?

In the article the phenomenon of settlements of kin's domains is problematized in the context of the social cohesion. "Ecological" perspective of analysis of social cohesion allows us to evaluate the potential of the settlements of kin's domains to be integrated into Russian society and the implementation of a socially important mission of the development of rural regions. Theoretical framework is the Theory of moral motives, according to which a variety of forms of social cohesion was operationalized. The empirical database compiled the results of a survey of residents of settlements of kin's domains (N = 100). The results of the analysis allowed to conclude that the high intra-group cohesion, combined with the recognition of group rights to control the privacy of its members, the desire to homogenize the community and an unconditional priority of group's interests compared to values and objectives of the society, reveal the limited potential of settlements of kin's domains to the integration in the Russian society and the escapist nature of the motivations of their creation and existence.

Keywords: social cohesion, settlement of kin's domains, integration, group-based morality